

Гарриэт бежала. В этом для нее не было ничего необычного: когда она была не дома, то бегала почти всегда. Причины, конечно, бывали разными, но смысл не менялся. Чаще всего, если она не бежала домой для того, чтобы ее не отругали опекуны, тогда это означало, что она убегает от своего кузена и его друзей. Убегала она потому, что очень не хотела, чтобы ее опять избивали. Конечно, серьезных травм Гарриэт почти не получала, только легкие синяки и ушибы... Почему так, она сама понять не могла. Несмотря на то, что ни дядя, ни кузен не сдерживались, когда били ее, она оставалась почти невредимой, хоть и было очень больно.

Гарриэт была умной девочкой. Когда в пятилетнем возрасте ее отдали в младшую школу, она впервые узнала свое имя. До этого при ней никогда его не называли. Чаще всего дядя и тетя называли ее либо ненормальной, либо девчонкой. Благодаря своему уму, она первой в классе научилась читать и почти все свое свободное время проводила за книгами. Также, благодаря этому она могла бы быть лучшей ученицей их школы, так как знала всю программу, что они изучали, на два, а по некоторым предметам на три, года вперед. Это было из-за того, что у нее не было друзей: Дадли всех отпугивал и, когда у нее появлялось свободное время, она в основном училась, читая все, до чего могла дотянуться.

Но лучшей ученицей Гарриэт все-таки не была. Скорее, она в глазах преподавателей являлась одной из самых худших и ленивых детей их класса. Причина этого была опять же в кузене и его родителях. Когда она хоть в чем-то превосходила Дадли, будь то спорт, чтение, математика или что-то другое — ее били и ругали. Пару раз за отличные оценки она оставалась без еды на два дня.

Нельзя сказать, что ее били по малейшему поводу, но серьезный они находили довольно-таки часто. И еще чаще она сама его предоставляла тем, что вела себя так, как не должна была. Если же она вела себя неприметно, не выделяясь, и слушалась всех команд (таких как «прибраться здесь», «помыть там» и подобных этим), а также никому из родственников не попадалась на глаза, тихо сидя либо в библиотеке с очередной книжкой, либо у себя в чулане опять же с книгой, то и поводов ее бить у них не было.

Так она и жила, поглощая книги и стараясь как можно реже появляться в поле зрения родственников. Но сегодня ей не повезло — Дадли очень сильно оплошал на уроках и получил минимальную оценку по английскому языку из возможных. В связи с этим он был очень зол и раздражен. А ища вместе со своей свитой на ком выместить злость, нашел ее.

Сегодня они были очень упорны в попытках догнать ее и побить. Но из-за частых забегов ее форма была несколько лучше, чем у мальчишек, поэтому пока получалось убегать. Они загоняли Гарриэт к парку, который был по сути небольшим леском, недалеко от центра их маленького городка Литл-Уингинга.

Ей очень нравился этот лес. Тут в основном никто не ходил, и иногда, в особенно теплые дни, можно было прийти с книгой сюда, чтобы спокойно полежать на траве, мечтая о родителях. Жаль, что это получалось нечасто. Она могла ходить сюда только в те дни, когда ее опекуны уезжали из дома в отпуск на несколько дней. При этом ее всегда оставляли на попечение их старенькой соседке миссис Фигг.

Миссис Фигг, или, как ее полностью звали, Арабелла Дорин Фигг может и была когда-то давно милой женщиной, если судить по большому количеству фотоальбомов, которые у нее были, но те времена давно прошли. Гарри не знала, сколько лет ей было, но почти все фотографии были черно-белые, и уже на них она не выглядела молодой, так что можно было предполагать, что их соседка уже давно близка к столетнему возрасту. И этот возраст явно не шел на пользу. Арабелла была немного сумасшедшей женщиной, жившей в двух кварталах от дома Дурслей, и основную компанию ей составляли или ее любимые кошки, или сама Гарриэт.

Гарри не любила оставаться с ней. В доме постоянно пахло чем-то слегка скисшим и котами, которых было аж целых четыре. Сама же миссис Фигг могла долго рассказывать о тех временах, которые давно прошли. Но стоит отдать ей должное... Хотя она и была сумасшедшей, она никогда не била девочку и не издевалась над ней. Если не считать за издевательство постоянные нудные истории. К тому же, если ей удавалось выговориться, то она быстро успокаивалась и позволяла Гарри немного погулять, или посмотреть телевизор.

Смотреть телевизор девочке нравилось, но не те передачи, что постоянно смотрел ее кузен. Ей больше нравились различные познавательные вещи, или что-то подобное. Жалко, что они шли нечасто. А чаще, вместо просмотра какой-либо программы, она отпрашивалась у старушки именно погулять, брала, с разрешения хозяйки, одну из книг, которые стояли у той на шкафу и уходила в этот лесок, до которого от ее дома было намного дальше.

Арабелла же могла не сильно волноваться за ребенка, так как Гарри не уходила далеко, а сидела на небольшой полянке среди редких деревьев, что была видна из окон дома.

Сейчас же, как уже говорилось, Гарриэт убегала, и преследователи никак не желали отставать. А поскольку от ближайших домов до леса было довольно много пустого пространства, то Дадли и компания видели, куда она бежала. Гарри надеялась оторваться от них среди деревьев и, немного попетляв, убежать домой. Благо это было не так сложно, как могло показаться. Дадли, который возглавлял погоню, был довольно-таки полным мальчиком, если не сказать толстым. Спортом он не увлекался, как, собственно, и его друзья. Так что выносливости у них было куда меньше чем у самой Гарриэт.

Ее главной проблемой было то, что у нее постоянно во время бега спадали и так уже сломанные очки, без которых она не видела почти ничего, кроме размытых силуэтов. Поэтому сняв их с глаз и держа в руках, чтобы не потерять, ей постоянно приходилось уворачиваться от неожиданно выскакивающих перед ней редких деревьев.

Через некоторое время крики погони начали стихать. А это означало, что можно немного передохнуть, надеть очки, осмотреться, понять, где она оказалась, и прикинуть свой дальнейший маршрут к единственному убежищу, которым всегда являлся чулан под лестницей.

И пусть в нем не было нормального освещения, только старая тусклая лампочка болтающаяся на проводе. Пусть небольшая кровать была сделана из некогда бывшей широкой полки, на которую просто кинули матрас. Небольшая обшарпанная тумбочка не имела нижней дверцы и обходилась единственным сломанным ящиком который, открывался только наполовину, так

как дальше просто заедал. Зато у нее был небольшой собственный письменный стол (который некогда тоже был полкой).

И отдельная полка, определенная ей самой под одежду и книги, хотя последних было немного. Ей там нравилось. Очень тихое, если никто не прыгал и специально не топал по лестнице, небольшое помещение. Оно было ее единственным убежищем, в которое никто не заходил, так как для взрослых оно было слишком маленьким, а для Дадли заходить туда казалось ниже его статуса.

Надев очки и наконец осмотревшись, Гарриэт поняла, что заблудилась, убегая. Куда ни посмотри, из-за деревьев не было видно ничего. Вокруг был только лес. Пусть он и не был густым, но все же он был.

— Так. Не нервничать. Не плакать. Ну подумаешь, потерялась. Нужно только вернуться назад и проблема будет решена, — убеждала себя девочка.

— А откуда я, собственно, прибежала? Ладно, вроде солнце было справа, когда я забежала в лес. Значит мне нужно повернуться к нему левым боком и просто идти прямо... А там и увижу, куда мне надо, — пробормотала она и, следуя своим размышлениям, пошла обратно, держа солнце по левую руку.

Так и шла некоторое время, следя в основном за светилом и тем, чтобы не врезаться в деревья. Поскольку Гарриэт была немного отвлечена и задумчива, то не сразу заметила, что обстановка вокруг начала меняться. Редкий английский лесок стал густеть, а деревья из тоненьких стали превращаться во все более и более высокие и толстые, закрывая своими кронами небеса.

Но как часто бывает с детьми, она, задумавшись над чем-то, совсем не обращала на это внимания. Пока не уперлась в почти сплошную стену из довольно-таки высоких и уже совсем не тоненьких деревьев. Постояв некоторое время перед тем что видела, девочка поняла, что заблудилась окончательно. И присев на землю начала размышлять, как быть.

Гарриэт вслушалась в свои ощущения, которые были, надо признать, довольно-таки странными... Несмотря на то, что она уже давно не ела (если быть точным, то ела она только на завтрак, и то немного, потом весь день училась в школе, и под конец долго убегала от компании кузена, а после шла по лесу) девочка не чувствовала себя уставшей. Как будто некая непонятная сила наполняла ее изнутри, даруя облегчение и исцеление уставшим и натертым неудобной обувью на два размера больше ногам.

Несмотря на все ее сегодняшние злоключения, плакать ей не хотелось. Хотя и так она почти никогда не плакала, прекрасно зная что это не поможет разобраться со всеми свалившимися на нее проблемами.

Еще раз вслушавшись в свои ощущения от этого места, она решила, что что-то прямо-таки тянет ее к этим деревьям. Точнее не к ним. А к тому, что находится за стеной. Как ни странно страха или опасения она не чувствовала.

И, привыкнув доверять своим чувствам (а по другому в ее жизни было никак), с решительностью пошла за эту стену. Протискиваясь между большими стволами плотно стоящих друг к другу деревьев еще некоторое время, Гарри заметила, что они стали становиться еще больше, и что расстояние между ними постепенно начало увеличиваться.

Так она и продвигалась дальше, пока деревья не стали достигать поистине огромных размеров. По сравнению с некоторыми из них дом, в котором она прожила всю свою жизнь, казался маленьким. Каждый из этих лесных гигантов буквально светился энергией и жизнью. То, что она видела перед собой, было невероятно красиво и величественно.

Ей было непонятно, как о таком великолепии можно было не знать, живя рядом с ним. Непонятно, почему это место еще не нашли и не водили сюда экскурсии, почему здесь не устраивали пикники жители городка, находящегося рядом. Она как-то один раз видела по телевизору баобаб — огромное дерево, которым восхищались во всем мире, называя деревом жизни. Он был большим, но те деревья, что она видела перед собой сейчас, были больше в несколько раз.

Гарриэт шла, смотрела по сторонам и восхищалась красотой этого места. Что-то вело ее вперед, к тому, что она называла в своих мыслях «Сердцем леса». И когда через некоторое время вышла к нему, то поняла, что это действительно было Сердцем и никак иначе.

Огромная поляна, посреди которой растет наверно величайшее из деревьев на свете. Дерево, по сравнению с которым те, что она видела до этого, были лишь небольшими кустиками. Его крона терялась в небесах. С него спадали величественные водопады. И сила жизни, что исходила от него, была просто невероятна...

Так она и стояла, раскрыв рот от восхищения.

Он сидел посреди огромного зала. Пол под ним слегка светился, а огромное количество низших духов, называемых Виспами, парило в воздухе. Хоть почти везде они и считались лишь паразитами, но на самом деле они ими не были. Да, любили собираться там где было много свободной магической энергии которой питались и жили. Но не высасывали всю силу из источника, как считали местные маги, которые веками старались их изгнать.

На самом деле они были чем-то вроде проводников магии и ее очистителей: сначала впитывая огромное ее количество увеличивали свою численность, а затем, когда их накапливалось достаточное количество, начинали отдавать энергию обратно. Тем самым фильтруя ее и создавая резонанс, что увеличивало силу источника. Маги же, видя только первую стадию, пугались этого и искали способы выгнать их.

Они не имели собственного разума, но имели что-то похожее на коллективный. Взаимодействуя друг с другом, передавали чувства и желания между собой и могли так общаться. Им нравилось это место. Здесь им были рады. Некоторое время назад они случайно

нашли его. Маленький магический лес, даже не лес, а небольшая рощица, что не зародилась на магическом источнике, а сама был лишь кратковременным творением человеческой магии. И ребенка, что спал в ее центре, между переплетением ветвей, так напоминавших колыбельку. Ребенка, от которого шла сильная магия, ребенка, что делился ей с деревом, которое возвращало ее обратно.

Они начали помогать им, хоть их и было мало, и они почти ничего не могли. Они делали свою работу, ту работу, что возложил на них творец этого мира. Даже зная, что скоро исчезнут, потратив всю свою энергию, которой и так было мало, они пытались помочь. Задержать существование этого места еще на некоторое время. И защитить дитя, спавшее здесь, не чувствуя опасности этого мира. Дать ему небольшой шанс выжить.

Они уже почти исчезли, но тут произошло странное. Произошло то, что не происходило уже многие тысячи лет в этом мире. Дитя, открыв глаза и увидев их, не испугалось и не закрылось, а наоборот, обрадовалось и открыло им доступ к своей магии. Пусть ее и было мало. Хоть дитя и было сильным, но ребенком и, соответственно, не могло много дать. Однако им и не надо было большего, чтобы начать создавать в этом месте пока еще маленький источник магической силы.

Так проходили года. Это место стало меняться под воздействием магии. И чем больше ее становилось, тем больше становилась роща. Год за годом она росла, пока не достигла размера огромного леса. За ее пределами никто не замечал изменений. Это место оставалось скрыто ото всех, кроме животных, что чувствительнее к магии чем люди, гоблины или другие разумные.

Сначала здесь поселилась небольшая стая фениксов. Потом они самостоятельно привели своих друзей единорогов. Следом приползло небольшое семейство василисков. И потом появились многие другие магические животные. Пока последними не прибыла пара старых древесных драконов. Всем им не было нужды враждовать друг с другом. Магии, что витала в воздухе им хватало чтобы питаться и оставлять нормальное потомство.

В местах настолько насыщенных магией время идет по-другому. И если во внешнем мире прошло только семь недолгих лет, то для тех, кто жил в роще, они растянулись в добрых семь десятков. Но ребенок рос медленно. Не так, как другие из тех магических зверей что здесь жили. Да, несмотря на свой возраст, он выглядел всего на семь лет. Скорее всего, это было из-за того, что благодаря именно его магии была связь с внешним миром.

Внешность его тоже была необычной. Если раньше он был чистокровным человеком, то теперь он уже не мог с уверенностью сказать, кто он. По прошлому своему воплощению он помнил гордую расу хозяев лесов: Альвы, так их называли остальные. И он сам признавал, что стал, по прошествии времени и сроднения с этим лесом, походить на одного из представителей этого великого народа. Только цвет волос и глаз остался таким, каким был перед самой смертью: практически белоснежные волосы перемежались седыми прядями более темных оттенков, а глаза, некогда ярко-голубого цвета, стали почти белыми с легким бирюзовым отблеском, но несмотря ни на что не потеряли своего блеска и глубины.

Также его сильно удивили удлинившиеся и заостренные уши. Да вообще, если бы он, глядя на свое отражение в зеркало, не знал бы что он парень (что подтверждалось наличием определенных частей тела), то подумал бы «Что за миленькая маленькая девочка?». Не сказать, что внешний вид его сильно расстраивал. Но все-таки он привык в прошлой жизни выглядеть более мужественно. Однако проходили годы, а он становился все милее и милее... И это его немного нервировало. Потому что он знал, что этот мир обитаем (правда не знал кем и на каком уровне развития они находятся), и что однажды, когда он будет готов, он выйдет из своего леса, чтобы отправиться в большой мир. Он ждал, когда вырастет хотя бы до более менее нормального роста. И не будет походить на совсем уж маленького ребенка.

Он помнил то сообщение, что оставил его благодетель, вернувший душу к жизни, не стерева личности. Такие сущности не могут общаться так, чтобы смертные могли их полностью понять. Но то, что он помнил, можно было расшифровать так:

«Готовься к новой жизни. Терпи, как бы ты ни хотел уйти вслед за своей сестрой. И однажды ты встретишь того, из-за кого твоя жизнь вновь обретёт смысл. Не пропусти этого разумного. Испытания вновь выпадут на долю твою. Но если выдержишь ты их и не потеряешься в потоке событий, все счастье мира будет у тебя в руках.»

Ну или по крайней мере он так расшифровал. Прекрасно понимая, что если бы не травма души, которую он получил проводя ритуал, то смог бы понять намного больше. Как со временем выяснилось, он забыл многое... Проще было перечислить, что он помнил, чем что он забыл.

Он помнил имя, которое было дано ему. Он помнил, как сражаться мечом и копьем. Он помнил, как оперировать простейшей магией элементов. Помнил, какие расы населяли тот мир. Помнил, как выглядел сам и как выглядели другие. Помнил правила поведения большинства разумных. И другие мелочи.

Знал как минимум три языка: Общий Имперский — самый распространенный, Альвийское наречие — это вообще четыре языка, с той разницей, что от того, на каком произносятся слова, зависит, сколько магии будет в них вложено: «Древняя Речь», «Высшая Речь», «Магическая Речь», «Низкая Речь» соответственно, и последний по очереди, но не по значению — Асатирен, являющийся языком зверей, птиц и гадов, что магией своей наделены. Впрочем, последний был не столько языком животных, сколько способом общения и понимания с теми из них, в ком была хоть капля собственной магии.

Так он и жил, пока не прошло пятьдесят лет со дня его рождения. И лишь тогда он смог воплотить в этом мире то, что было с ним всегда и уже стало частью его души. Всех своих вечных спутников, с которыми не расставался за прошлую жизнь никогда. Меч, что ковался из лучшей стали его другом дворфом. Копье, что некогда ему вручили в дар за помощь люди одной маленькой страны. И книгу ритуалов и заклинаний, которые он собирал на протяжении всей жизни.

Когда они появились у него, он стал вновь тренироваться в их использовании. Как он позже вспомнил, все они являлись для него очень хорошими концентраторами и проводниками

магии. Только каждый из них работал по-своему. Меч был воплощением его силы и разрушительности, им нельзя было сделать тонкой работы, но зато для боя и уничтожения он подходил идеально.

Копье могло менять свой размер от совсем маленького, длиной не более четырех его нынешних ладоней, до полноценной длины боевого копья. И идеально подходило для тонких, практически хирургических манипуляций с силой, взамен платя мощью. С помощью книги же он мог творить свои сильнейшие защитные ритуалы. Нельзя сказать, что одно нельзя было использовать для другого. Но лучше делать ими именно то, для чего они подходили лучше всего.

Несмотря на три столь подходящих ему инструмента, книгой и мечом он почти не пользовался. Хотя ему и исполнилось семьдесят лет, его тело оставалось детским и при использовании большого количества магии быстро уставало. По правде говоря, меч он мог использовать только как обычный клинок, если не находился в сердце первого древа, где его подпитывал сам источник. С книгой дела обстояли лучше, но все равно намного проще было раскрыть ее на нужной странице и провести ритуал полностью, чем использовать ее как основу и вызвать его мгновенно. Пока даже в сердце он не мог использовать ничего из ритуалов, кроме самых простых.

Как он посчитал, сила меча ему будет доступна по достижении ста шестидесяти или шестнадцати лет, смотря как считать. Книга же хорошо если будет доступна в полном объеме в двести десять или двадцать один год. Но он не расстраивался — ему пока хватало копья, и связываться во что-то, требующее полной боевой отдачи, он пока не планировал.

Сейчас он сидел и медитировал. В медитации он проводил большую часть свободного времени. Ведь только так мог общаться с виспами, что жили в этом месте, и понимать их просьбы, а также давать небольшие задания, которые надо было сделать.

Неожиданно он почувствовал, что кто-то новый смог попасть в его владения. И этим кем-то являлся разумный. Если точнее — разумная, человек, девочка. Не сказать, что он был этим ошарашен или что-то подобное, но удивился сильно. И, попросив виспов помочь ей и сократить дорогу до его дома, которым являлось первое древо, вышел ей навстречу.

<http://tl.rulate.ru/book/35099/763421>